

Гордость русской литературы

Сорок пять лет тому назад, 15 июля 1904 г., умер великий русский писатель Антон Павлович Чехов. В своих воспоминаниях о Чехове А. М. Горький писал: «Хорошо вспомнить о таком человеке, тотчас в жизнь твою возвращается бодрость, снова входит в нее ясный смысл». Идейная прозорливость Горького позволила ему еще при жизни Чехова в противовес ходячим мнениям подчеркнуть оптимистическую, жизнеутверждающую направленность чеховского творчества. «Блестящий новый рассказ Чехова», — писал Горький в 1900 году, — все усиливает одну глубоко ценную и нужную для нас ноту — ноту бодрости и любви к жизни».

А. П. Чехов начал свою творческую деятельность в самом начале восьмидесятых годов, в разгар политической реакции, когда на арену выступил тип писателя-обывателя, проповедывавшего приспособление к рабской действительности, отказ от высоких общественных целей. Однако не этот тип писателя определял главную линию развития русской литературы. Наряду с писателями, погрязшими в обывательщине, в восьмидесятые годы выступает ряд писателей, продолжавших свободлюбивые, реалистические традиции русской литературы, и среди них почетное место принадлежит Чехову.

Гениальные сатирические образы Чехова роднят его с Шедриным. Весьма знаменательно, что на смену «Пестрым письмам» великого сатирика приходят «Пестрые рассказы» Чехова, давшего вслед за Шедриным правдивую картину эпохи безвременья.

Чехов в своих произведениях выступал как продолжатель традиций демократической русской литературы и борец против господствующей идеологии и общественного уклада своего времени.

Правда, цензура и самый тип журналов, в которых сотрудничал Чехов, не могли не ограничить общественно-демократического содержания его рассказов. Тем не менее даже раннее его творчество не только не укладывается в идейную программу этих журналов, но резко противостоит ей. Правы были те из охранителей устоев, которые усматривали в Чехове непримиримого врага гнетущей действительности, ибо са-

□ □
К 45-летию со дня смерти
А. П. Чехова
□ □

тирический бич писателя разил без промаха. Уже в ранних рассказах Чехова смелое внезапно оборачивается едкой сатирой, тупое являет свой страшный звериный облик. Разве только смехом «тощий мужичонка в пестрядиной рубашке и латаных портах», этот «злоступенник», отщипывающий гайки на рельсах и не понимающий, за что его судят? Разве за его согбенной фигурой не видна мрачная тень режима произвола и насилия, державшего народ в состоянии рабской покорности и невежества? А не вырастает ли зловещая фигура унтера Пришибеева в символ произвола победоносцевской реакции, распростершей над Россией «совиные крылья»?

Унтер Пришибеев, полицейский надзиратель Отчумелов из «Хамелеона», «человек в футляре» Беликов не столь смешны, сколь омерзительны и страшны. Внешне невзрачные, тщедушные, Пришибеев и Беликов предстают перед нами, как палачи, наделенные тупой звериной силой, как опаснейшие душители народа.

Выступая против мерзостей старого мира, великий жизнелюб и оптимист Чехов шутил, острил, смеялся, но все чаще слышались в чеховском смехе нотки глубочайшего презрения и горечи, все чаще пригвозждал он к позорному столбу сытое и морально опустошенное мещанство. По мере того, как крепло творческое и общественное самосознание писателя, смех его из иронического перерастал в осуждающий, становился смехом гневной и разящей сатиры.

От ранних юморесков, иронических, язвительных, саркастических, к потрясающим по своему художественному мастерству и силе разоблачения произведениям — «Палата № 6», «Мужики», «В овраге», «Крыжовник», — таков яркий творческий путь писателя.

Произведения Чехова служили задачам борьбы с эксплуататорским строем, пережитками феодализма, остатками средневековых полукрепостнических учреждений,

которые, как указывал Ленин, «гнетущим ярмом лежат на пролетариате и на народе вообще, задерживая рост политической мысли».

В процессе идейного формирования и развития Чехову пришлось многое преодолеть в самом себе, многое обрести. Как бы размышляя о собственных трудностях, которые он преодолевал на пути к пониманию жизни, Чехов писал Суворину: «Напишите-ка рассказ о том, как молодой человек, сын крепостного, бывший лавочник, певчий, гимназист и студент, воспитанный на чинопочитании, целовании поповских рук, поклонении чужим мыслям, благодаривший за каждый кусок хлеба, много раз сеченный, ходивший по урокам без калош, дравшийся, мучивший животных, любивший обедать у богатых родственников, лицемеривший и богу и людям без всякой надобности, только из сознания своего ничтожества — напишите, как этот молодой человек выдавливает из себя по каплям раба и как он, проснувшись в одно прекрасное утро, чувствует, что в его жилах течет уже не рабская кровь, а настоящая человеческая».

Борясь против рабской приниженности человека, Чехов делал большое и нужное дело.

Он выступает против покорности и забитости — этих отвратительных качеств характера, которые культивировались господствующими классами. Еще в раннем рассказе «Размазня» Чехов устами персонажа, от имени которого ведется рассказ, устраивает «испытание» забитой и покорной гувернантке, нарочно обесчитывая ее. Когда эта «размазня» покорно сносит обиды, он обращается к ней: «Я пошутил над вами, жестокий урок дал вам... Я отдам вам все ваши восемьдесят! Вот они в конверте для вас приготовлены! Но разве можно быть такой кислятиной? Отчего вы не протестуете? Чего молчите?...».

В своем непримиримом отношении к забитости и покорности Чехов близок к Горькому, этому неистовому врагу рабства и приниженности человеческой личности. Недаром Горький так высоко ценил гуманистическую сторону чеховского таланта.

В рабской психологии людей, потерявших чувство собственного достоинства, Че-

хов усматривал почву для ренегатства. Нечего ждать обновления жизни от людей пошлых, заячьи трусливых, духовно нищих, говорит он всем своим повествованием, резко выступая против буржуазной интеллигенции, «которая не патриотична, уныла, беспцветна».

Как печальные и уродливые карикатуры, выглядят в рассказах «Толстый и тонкий», «Смерть чиновника», «Торжество победителя» обыватели, раболепствующие перед начальством. А. М. Горький говорил об этих чеховских героях, что они «не умеют уважать свое человеческое достоинство и, без сопротивления подчиняясь грубой силе, живут, как рабы, ни во что не верят, кроме необходимости каждый день хлебать возможно более жирные щи, и ничего не чувствуют, кроме страха, как бы кто-нибудь сильный и наглый не побил их...».

Великого жизнелюба Чехова часто обвиняли в пессимизме, в том, что он высказывает всюду самое грязное, мрачное, унылое, уродливое. Но как далеки были от истины критики, бросавшие этот упрек писателю. Чехов именно потому замечал малейшее нравственное уродство, именно потому презирал, ненавидел затхлую и пригнетую сторону жизни, что проникновенно любил ее светлый облик, что мучительно искал настоящие большие чувства прекрасных и мужественных людей. И не вина Чехова, что в этих исканиях, в капиталистической действительности, он наталкивался на жизнь, которая была прозябанием раба для одних и грубым пиршеством жадного хищника — для других.

Вдумчиво и пристально изучал Чехов интеллигенцию в поисках силы, способной оздоровить страну. Но и здесь он находил мелкое тщеславие, бесчеловечную жестокость, зоологический аристократизм, ханжество, лицемерие, черствый эгоизм, вялое резонерство и в лучшем случае смятение чувств и духовное бессилие. «Я не верю в нашу интеллигенцию, лицемерную, фальшивую, истеричную, невоспитанную, ленивую, не верю даже, когда она страдает и жалуется, ибо ее притеснители выходят из ее же недр», — заявлял Чехов в письме к доктору Орлову.

Певцом интеллигенции называли Чехова многие исследователи его творчества, крайне сужая, таким образом, идейный тематический диапазон его произведений. Правда, Чехов блестяще завершил богатейшую галерею образов «лишнего челове-

ка», созданных русской классической литературой. Но в то же время он дал впечатляющие и огромной обобщающей силы картины русского общества кануна революции 1905 года. Многочисленные профессии и социальные слои тогдашнего русского общества были объектом художественного повествования Чехова. Помещики и крестьяне, генералы и чиновники, купцы и священники, адвокаты и учителя составляют длинную галерею чеховских персонажей.

«Соседи», «Иванов», «Вишневый сад» дают нам ясное представление, в каких конкретных условиях происходил процесс вырождения и деградации помещичьего класса, как гибла феодальная идиллия, рушились дворянские гнезда. В изображении крестьянства Чехов был свободен от сурьезности, тенденциозности и предвзятости, которыми страдала народническая литература. Отмечая невежество, темноту, суеверие крестьянства, писатель в то же время указывал на его огромные нравственные преимущества — неистребимую жажду справедливости и правды. Глубоко искреннее и высоко художественное произведение Чехова «Мужики», «В овраге» по праву занимают выдающееся место в художественной истории дореволюционной России.

Горечь за испытываемые русским народом страдания пронизывает все творчество Чехова, и весь накопленный опыт, все свои творческие силы он вложил в пламенный обвинительный акт самодержавию — «Палату № 6». Это не только трагический рассказ о людях, осмелившихся мечтать о лучшей жизни, — это олицетворение царско-бюрократического режима России, в которой «жить страшно». Но на великий вопрос — что делать? — Чехов не находил ответа...

В силу социальных и исторических причин и условий Чехов оказался вдали от творца новой жизни — пролетариата, и зревшие в недрах рабочего класса могучие силы раскрепощения народа остались скрытыми от его взора. Но в сущности все творчество Чехова было подчинено единой задаче — подготовке человека к грядущим переменам. Лучше всех, раньше всех понял это буревестник революции — Горький. В то время как даже благонамеренная критика усматривала в Чехове этакое милосердное врачевание, который, несмотря на собственную душевную боль, терпеливо высиживал у постели занемогшего буржуаз-

ного общества, Горький указал на большое политическое и идейное значение произведений Чехова. «Огромное вы делаете дело...», — писал он Чехову, — возбуждая в людях отвращение к этой сонной, полумертвой жизни...».

Великий представитель критического реализма, Чехов писал «жизнь такую, какая она есть». Но к нему полностью относится та замечательная характеристика, которую он давал другим писателям своего поколения: «Вспомните, — писал он, — что писатели, которых мы называем вечными или просто хорошими, и которые пьянят нас, имеют один общий и весьма важный признак: они куда-то идут и Вас зовут туда же и Вы чувствуете не умом, а всем своим существом, что у них есть какая-то цель... Лучшие из них реальны и пишут жизнь такую, какая она есть, но оттого, что каждая строчка пропитана, как соком, сознанием цели, Вы кроме жизни, какая есть, чувствуете еще ту жизнь, какая должна быть, и это пленяет Вас».

Да, Чехов писал жизнь «такую, какая она есть». Но сонная одурь этой жизни, ее гнетущая несправедливость настойчиво внушали людям мысль, что должна быть иная жизнь, свободная и прекрасная. Именно это пленяет нас в Чехове. Именно в этом мы видим великое непреходящее значение его творчества.

Советскому человеку близко страстное желание Чехова видеть людей простыми, красивыми, гармоничными. Недаром в записной книжке героини советского народа Зои Космодемьянской были как девиз записаны слова Чехова о том, что «в человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли».

Читателю дорого в Чехове его великодушное мастерство художника, которое отличает подлинного новатора.

Высоко ценил талант Чехова великий русский писатель Л. Толстой. Он говорил о нем: «Чехова, как художника, нельзя даже сравнивать с прежними русскими писателями — с Тургеневым, с Достоевским или со мной. У Чехова своя собственная форма».

С любовью и гордостью говорил о гениальном национальном писателе Чехове вождем революции Ленин. В числе имен, являющихся гордостью и славой великой русской нации, Сталин назвал имя Чехова, любимого писателя советского народа.

Проф. А. ВОЛКОВ.

15 июля 1948

ВЕСТИ
Москва

15/VII-48